

Глава 8 Юй Цинцзе, глядя на поле, усеянное срезанными стеблями, усмехнулся: — Вот так бы и весь день косить, все поле как гигантский комариный дым или дракон из травы! Вернувшись к молотилке, они присели отдохнуть. Юй Цинцзе тоже устроился рядом, чувствуя, как мышцы рук ноют от усталости. Молотьба заняла больше двух часов. Казалось, косить было легче, а вот молотьба — настоящее испытание. Особенно в летний зной, когда солнце палило нещадно, и люди потели так, будто купались в соленой воде. Юй Цинцзе с тоской вспомнил современные комбайны. В детстве у его деда была молотилка, приводимая в движение дизельным двигателем. Тогда он был единственным в деревне, кто не должен был топтать зерно, чтобы его обмолотить. Все ему завидовали. А теперь, даже если бы появилась молотилка, которую можно было бы просто топтать ногой, он бы радовался как ребенок. Он мысленно перебирал устройство молотилки, вспоминал сельскохозяйственные инструменты, которые видел в музее. Усталость отступала, уступая место удовлетворению от проделанной работы. За спиной уже лежала гора отброшенных стеблей, а на дне молотилки виднелся толстый слой проса. — Вау, старший брат Юй, ты просто чудо! Столько всего уже одолел! — Чан Хао подошел к молотилке, с удивлением глядя на просо. — Да, он хороший помощник, — добавил дедушка Чан. Чан Ле, обнимая кувшин с водой, сначала напоил дедушку, а затем налил полную миску Юй Цинцзе. — Молодец, Юй Цинцзе! Юй Цинцзе смутился от похвал. — Если вы еще раз похвалите меня, я взлечу на воздух и смогу даже срывать облака в небе! — его слова вызвали смех, и атмосфера стала теплой и радостной. Отдохнув немного, они продолжили молотьбу. Солнце стояло высоко в небе, и, видя, что время уже подходит к полудню, а проса достаточно для ведра, они решили идти домой, чтобы пообедать и вернуться после обеда. Одежда была мокрой от пота, волосы слиплись от жары. Чан Хао завистливо смотрел на короткие волосы Юй Цинцзе. — Как же тебе легко, и мыть просто, и вообще круто! Юй Цинцзе, отвечая на их вопросы, рассказывал, что перед тем, как приехать на юг, он ездил на север покупать меха, и там у него завелись вши. Отмыть их не удалось, поэтому он сбрил волосы. История была правдоподобной, и они поверили. Юй Цинцзе же втайне радовался, что ему удалось так ловко выкрутиться. Жажда заставила Юй Цинцзе присмотреться к Чан Ле, когда тот, прикрывая лицо платком, набирал просо в ведро. Мокрая челка слиплась в пряди, обнажив на светлом лбу шрам длиной в четыре-пять сантиметров. Он тянулся от середины левой брови к виску. При ближайшем рассмотрении можно было увидеть небольшую щель посередине брови, но спереди она скрывалась густыми волосами, поэтому была почти незаметна. Юй Цинцзе застыл, глядя на шрам. Он не знал, как он появился, но представлял, насколько опасной была та ситуация. Шрам выглядел старым, цвет его поблек, но он слегка выступал, словно змея, ползущая по светлой коже. Юй Цинцзе стало неловко. Теперь понятно, почему Чан Ле носил такую густую челку. Неудивительно, что дядя сказал, что его внешность испорчена. Но Чан Ле был на самом деле очень хорош собой: здоровый румянец, нежное лицо, немного пухлые губы, пара блестящих глаз — все это создавало очаровательный образ. Кожа его была гладкой, поры совершенно не заметны. Юй Цинцзе почувствовал жалость к Чан Ле. Вероятно, шрам отпугнул от него множество невест. Хотя Юй Цинцзе пробыл в этой семье всего сутки, Чан Ле уже успел ему понравиться. Он был трудолюбивым, нежным, добрым, заботливым и даже очень вежливым с незнакомцем, как он. Такому замечательному младшему брату просто необходимо быть счастливым. Чан Ле, заметив пристальный взгляд Юй Цинцзе, с удивлением повернул голову. Увидев в его глазах жалость и удивление, он на мгновение растерялся, затем быстро отвернулся, скрывая лицо от Юй Цинцзе. Он протянул руку, чтобы зачесать челку на лбу, и быстро ушел с ведром проса. — Неужели я только что опозорил Чан Ле? — прошептал Юй Цинцзе. К счастью, дедушка Чан и Чан Хао ничего не заметили. Чан Хао сопровождал Юй Цинцзе, медленно идущего домой. Дедушка Чан вернулся к готовке, а Чан Ле собрал ведро проса и пошел в огород собирать овощи. Разделение труда было четким. Когда Юй Цинцзе и Чан Хао вернулись домой, Чан Ле уже собрал бобы, а водяной шпинат был вымыт и готов к варке. Юй Цинцзе, увидев это, поспешил сказать: — Брат Ле, иди отдыхай, я все сделаю. Чан Ле обрадовался, но немного смутился, боясь, что его шрам испугает Юй Цинцзе. Раньше многие люди пугались, видя шрам

на его лбу. Дети того же возраста часто смеялись над ним, называя уродливым. Тогда он отрастил длинную челку, чтобы скрыть шрам. Прошло десять лет. Но, глядя на Юй Цинцзе, он почувствовал облегчение. Юй Цинцзе вел себя совершенно естественно. Чан Ле с благодарностью посмотрел на него. Затем, быстро жестом, ответил на слова Юй Цинцзе. Чан Хао был рядом, чтобы перевести. Чан Ле сказал, что Юй Цинцзе — гость, он уже приготовил завтрак, как он может готовить обед? Хотя его блюда вкусные, они не соответствуют гостеприимству его семьи. Юй Цинцзе улыбнулся: — Готовка — это мое хобби, я занимаюсь этим с удовольствием. Я живу здесь бесплатно, и если вы не дадите мне поработать, мне будет неловко жить дальше. Чан Ле хотел отказаться, но Юй Цинцзе сделал решающий ход: — Послушай, дедушка и Сяохао тоже любят есть то, что я приготовил, так что позволь мне это сделать, хорошо? Дедушка и младший брат — слабые места Чан Ле. Как только речь заходила о них, Чан Ле терялся. Кто заставляет себя плохо готовить? Поколебавшись мгновение, он кивнул в знак согласия и молча пошел разжигать огонь. Чан Хао, видя легкое разочарование в глазах брата, поспешил заверить: — Брат, мне твои блюда очень нравятся! Чан Ле, хлопнув брата по плечу, усмехнулся: — Если бы ты не ел Юй Цинцзе до тех пор, пока сегодня утром не выглядел так, будто готов вылизать миску, я бы тебе поверил. Юй Цинцзе, только что умывшись, уже возился на кухне. Несмотря на простоту блюда — всего лишь бобы и водяной шпинат, без всяких изысков, — рука профессионального повара творила чудеса. У Чан Ле бобы варились бы в воде, а шеф-повар Юй их обжаривал. Так он поступал, когда не было ни имбиря, ни чеснока, ни перца, ни чили, а экономить электроэнергию было необходимо. Несмотря на отсутствие аромата, присущего традиционной сушеной фасоле, обжаренные бобы все равно были несравнимы с вареными — разница была как между лягушкой и царевной-лягушкой. Разжигая огонь по просьбе Юй Цинцзе, Чан Ле исподтишка следил за его движениями, стараясь запомнить каждый шаг, каждый нюанс. Первый шаг к мастерству — внимательно наблюдать за учителем! Юй Цинцзе, не замечая пристального внимания Чан Ле, готовил, погруженный в процесс. Он привык к тому, что за ним наблюдают во время готовки, ведь уже обучал нескольких учеников. Его движения были быстрыми, и в мгновение ока еда оказалась на столе. Семья Чан, состоящая из трех человек, с аппетитом поглощала пищу, хваля кулинарные таланты шеф-повара. Уставшие от утренней работы, они немного отдохнули после трапезы, а затем Чан Хао, открыв заднюю дверь главной комнаты, вынес две бамбуковые циновки. Одну он предложил Юй Цинцзе для кратковременного сна. Летнее солнце было слишком палящим, особенно в полдень. Все привыкли к сиесте, чтобы избежать теплового удара. Трое мужчин, расстелив циновки, растянулись на полу главной комнаты. Сквозь открытые двери дул легкий ветерок, а земля приятно холодила. Юй Цинцзе, не выспавшийся ночью и работавший все утро, быстро погрузился в сон. Чан Ле, вернувшись от ручья, где он постирал одежду, расстелил соломенную циновку на кухне, рядом с бочкой с водой. Было прохладно. Чуть позже двух часов дня Чан Ле отправился в поле с корзиной. Дедушка Чан тоже встал, чтобы порубить траву для свиней и приготовить корм. Чан Ле не разрешал ему ходить в поле в самый зной, опасаясь теплового удара, поэтому настоял, чтобы дедушка остался дома до трех часов дня. Юй Цинцзе и Чан Хао немного поспали. Когда они, вместе с дедушкой Чаном, отправились в поле, то увидели большой круг людей у края поля, а в центре этого круга стоял Чан Ле. Шум был оглушительный, словно что-то произошло. Чан Ле и дедушка Чан переглянулись и бросились к толпе. Юй Цинцзе, на мгновение остолбеневав, забыв о своей растянутой связке, ускорил шаг, встал на цыпочки и, делая несколько быстрых шагов вперед и назад, промчался сквозь толпу.